Из встреч с Комитасом

(Письмо из Москвы)

В январе или феврале 1914 года я был в Константинополе, по пути в Палестину. В Константинополе мне довелось встретиться с замечательным армянским музыкантом Комитасом.

Он не имел при жизни той широкой известности, которой заслуживало его творчество. В частности, в России имя Комитаса было мало известно. Если я знал о нем, то, главным образом, в силу того, что одним из самых ранних моих учеников был А. Г. Тер-Гевондян, неоднократно упоминавший о нем в наших беседах.

Я собрался в Палестину по просьбе группы лиц, поддерживавших музыкальные школы, открытые еврейскими колонистами в Палестине, и желавших получить мой отзыв об этих школах. Я охотно откликнулся на это предложение, во всех отношениях интересное для меня.

Исследователь еврейских старинных нотных знаков «neginot» Д. Г. Маггид просил меня навести некоторые справки у проживавшего в Константинополе Комитаса—исследователя армянских «хаз».

Немногие люди, занимающиеся подобного рода исследованиями как изучение древней письменности, обычно

знают друг о друге. Д. Г. Маггид знал о работах Комитаса и даже знал его константинопольский адрес. Д. Г. Маггид, разносторонне талантливый и ученый человек, очень много сделал в области расшифровки нотных знаков, которыми покрыты книги священного писания у евреев. От него я узнал, что древние попевки (распевы), соответствующие тем или иным «neginot», донесенные до нашего времени устной традицией, оказываются неподходящими при исполнении книги псалмов; существующие в обиходе напевы явно гораздо более позднего происхождения и принадлежат индивидуальному творчеству канторов-композиторов. Между тем, знаки, которыми помечена книга псалмов, те же, что и в других частях Библии.

Д. Г. Маггиду удалось набрести на отдельные традиционные попевки, подходящие к одному из псалмов.

Для установления их роли в системе целого ему нужно было выяснить соотношение соответственных попевок в армянской версии. Вся надежда Маггида была на Комитаса.

С такого рода поручением я направился в армянский патриархат в Константинополе, где проживал Комитас,

и просил проводить меня к нему. Мне совершенно не пришлось дожидаться.

Помню высокие, просторные палаты в этом здании, и помню внешность очень высокого человека средних лет, красивого и приветливого, вышедшего мне навстречу. Кажется, на нем была ряса, но точно этого не помню. Он в общем произвел на меня впечатление совершенно светского человека.

Мы приступили к беседе. Можно было бы и не упоминать, что, согласно обычаю Востока, нам был подан в чашечках черный кофе.

Комитас очень хорошо говорил по-русски.

Узнав, что я был учеником Римского-Корсакова, он сказал мне, что преисполнен огромного уважения к этому художнику, и указал на книгу нот и книг на столе:

— Некоторые сочинения Римского-Корсакова и его учебник гармонии— моя настольные книги.

Это было мне, разумеется, чрезвычайно приятно слышать. Но я стеснялся задерживать несомненно очень занятого деятеля искусства и сразу приступил к изложению дела, с которым прибыл.

С огорчением я тотчас же узнал, что ничего ценного для Д. Г. Маггида я не смогу привезти.

По словам Комитаса, у армян, как и у евреев, напевы именны к псал-

мам Давидовым являются наиболее поздними образцами соответственного музыкального творчества и в наибольшей степени носящими след индивидуальной обработки, более древние напевы утеряны.

Как оказалось, Комитас, хотя занимался в основном армянскими «хазами», хорошо был знаком и с еврейскими «neginot» и со всей областью «библейской кантилляции».

Он показал мне образцы расшифрованных еврейских невов, сделанные гуманистом Рейхлиным. Затем достал с книжной полки большой и очень интересный том, посвященный Наполеону различными профессорами, его сподвижниками по экспедиции в Египет. Там имелась и статья о библейской кантилляции у евреев Египта в начале XIX века—с нотными примерами. Все эти примеры я списал.

По этому вопросу Комитас сказал следующее:

— Я считаю систему еврейских «neginot» более древней, чем наши «хазы», потому что наши образцы песен по невам гораздо мелодичнее, можно даже сказать, что они носят характер целостных мелодий, приложенных к текстам, между тем, еврейские традиционные попевки чисто речевое происхождения. Это—уцелевший образец подлинного «accenfus'a».

Далее Комитас рассказал мне очень интересные вещи по поводу собствен-

ных работ над «хазами», явно желая дать мне понять как трудна исследовательская работа в этой области и как нужно быть осторожным в окончательных выводах.

— С молодых лет я усердно работал, изучая наши нотные знаки. Книжку, явившуюся результатом этой работы (Комитас продемонстрировал эту книгу), я зачитал на специальном собрании в Париже. Труд мой имел большой успех и был премирован. Но я не оставлял работы. Прошло около двадцати лет и я пришел к совершенно другим выводам. Первоначальные мои выводы были основаны лишь на изучении направления штрихов в наших нотных знаках; а позже оказалось, что малейшее утолщение линии уже имеет значение для расшифровки мелодии. Все оказалось гораздо сложнее и богаче, чем я думал первоначально. И я не уверен, что мною уже все здесь вскрыто и продолжаю работать.

Я не помню всего, о чем мы говорили с Комитасом. Но во всем, что и как он говорил, я чувствовал и серьезность научной сосредоточенности, и величие яркой художественной одаренности, и обаяние человеческого доброжелательства. Беседа наша была крайне оживленной и интересной. Все же, звание патриархата несколько стесняло меня. Я не знал, уместно ли здесь просить Комитаса познакомить меня с каким-нибудь из его сочинений. Мне даже

приходило в голову, не является ли «засекреченной» для окружающих светская часть его деятельности. Еще менее удобным мне казалось предлагать ему здесь познакомиться с моими работами и так или иначе о них отозваться.

Мог ли себе представить кто-нибудь из нас, что мир накануне странной войны и что через несколько месяцев армянский народ постигнет страшная трагедия, катастрофа, что творческие мысли Комитаса—композитора и исследователя, так гостеприимно встретившего меня и дружески беседовавшего со мной,—окажутся его последними творческими мыслями.

Лишь гораздо позже я ознакомился с сочинениями Комитаса, убедившись в том, какой это был крупный композитор и талант, какой своеобразный и интересный мастер в композиции и как велика его роль в развитии армянской музыки XX века.

На моих глазах происходит нынешний ее расцвет, и мне приятно сознавать, что я знал одного из великих зачинателей новой армянской музыкальной культуры, что мне довелось состоять в дружбе с крупными ее представителями в более поздний период и быть другом и руководителем наиболее выдающихся армянских композиторов из младших поколений.

М. ГНЕСИН.

Доктор искусствоведческих наук.

5 APR 1966

КОММУНИСТ
Г. Е. ЕВАН